

18+

АЛИСА ВАСИНА

Теория дождя

Алиса Васина

Теория дождя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51384936

ISBN 9785449815316

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это мистическая история о любви, начавшаяся в средневековой Восточной Пруссии, прошедшая сквозь столетия. Герой, потомок тевтонского рыцаря, в поисках возлюбленной преодолевает пространство и время, изучает магические практики, постигая искусство чародея.

Содержание

Глава 1. Отель разбитых сердец	5
Глава 2. Прусский мёд	34
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Теория дождя

Алиса Васина

*Благодарю Западный Ковен
за внимание и дружескую поддержку.*

© Алиса Васина, 2020

ISBN 978-5-4498-1531-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Отель разбитых сердец

Дождь в Калининграде – это не то, что просто плохая погода, и вообще, это – не плохая погода. Просто дождь — нормальная погода для этого места. Когда нет дождя, то это, по меньшей мере странно, даже, если это зима, тем более, если это лето, так уж тут принято – дождь должен идти в Кёниге всё время! В любой сезон. Каждый день.

Поэтому ничего странного не было в том, что в конце сентября шёл дождь. И хозяин маленького отеля, которого звали весьма обычно для этого места – Артемий Крауф, сидел в просторной гостиной и задумчиво смотрел на огонь в камине. На коленях у него лежала книга, он поглядывал на оловянный кубок, стоящий на столике, обдумывая, стоит ли подняться и налить себе вина или ограничиться чаем с лимоном, который он отхлёбывал время от времени из кружки. Пламя из камина бросало багровые отблески на огромную медвежью шкуру, лежащую рядом. Артемий выглядел грустным, печалил его не дождь, а то, что в его отеле только один постоялец. Он смотрел на огонь, на пламя свечи, которая почему-то горела, несмотря на наличие электричества, потом вздохнул, погладил сидящего на плече чёрного ворона и проговорил:

– Георг, пожалуй, пора нам взяться за дело.

Ворон расправил крылья.

– Пора!

– Согласен, Георг, – проговорил Крауф и бросил в камин щепотку травы.

– Чабрец? Или базилик? А может – полынь? – проговорил он, поглядывая на ворона, тот спокойно чистил клюв.

– Пожалуй, ты прав – чабрец и полынь! – согласился хозяин и вышел на крыльцо.

Мелкий густой дождь, сыпавшийся сверху ровно и постоянно, казался вечным, как само время. Хозяин отеля раскрыл зонт и неспешно двинулся по дорожке ко входу. У забора, примыкающего к калитке, сидел тощий мокрый котёнок и жалобно мяукал.

– Что ты, дружок, потерялся? Или тебя выкинули из дома? Да ты, оказывается, породистый? Британец... дожили! Раньше за деньги вас продавали, а теперь за дверь выбрасывают, ну и времена настали! Что за люди? Я бы проклял их за жестокость и бессердечие, но, боюсь, что для них это будет слишком страшной карой... видно, и людям не хватает средств, чтобы жить, раз котятam уже ничего не остаётся!

Мастер Крауф наклонился и взял на руки маленький дрожащий комочек.

– Пойдём ко мне... Что ты, что ты? Что ты хочешь мне сказать?

Он оглянулся и увидел с другой сторон забора под старой липой согбенную фигуру. Человек не пытался привлечь к себе внимание, он просто сидел за забором, пытаясь укрыть-

ся от дождя под деревом. Но ветки липы, потерявшие почти всю листву, не могли служить хорошей защитой, и на съевшееся тело падали целые потоки воды.

Мастер Крауф прошёл к границе отеля, внимательно вглядываясь в сгорбившуюся фигуру – это был мужчина средних лет, насколько он мог видеть из-за своего забора.

– Добрый вечер, добрый человек, – проговорил хозяин отеля негромко, стараясь не испугать бедного странника.

– Я ничего не нарушаю! И к вам на территорию не захожу, – загнанно проговорил мужчина.

– Ну, что вы, я и не думал вас ни в чём обвинять! Напротив, я хочу предложить вам ночлег, крышу над головой и горячий ужин.

– Спасибо, но мне нечем вам заплатить, у меня совсем нет денег, – удручённо ответил мужчина.

– Я не потребую с вас денег, в качестве оплаты вы можете предложить рассказ о своей жизни.

Мужчина недоверчиво посмотрел на человека под зонтом, потом недоверие сменилось сомнением и удивлением. Тот выглядел не совсем обычно – он был высок ростом, худощав и одет в чёрное. Не то, чтобы в чёрный костюм, а в какой-то старозаветный сюртук, или, точнее – френч, застёгнутый на все пуговицы до самого горла. Чёрные глаза зияли чёрными дырами, из-за этого бледное лицо казался пугающе мёртвым, как маска. Единственное, что было живым, это пухлые красные губы, они двигались, растягиваясь в улыбке,

но и улыбка в этом бескровном облике выглядела странной и пугающей. Но котёнок на руках чёрного человека вызывал симпатию.

– Вам нужен рассказ о жизни? Вы что – журналист или писатель?

– Нет, я хозяин отеля.

– Тогда зачем вам истории из жизни неудачника?

– Считайте, что это – моя причуда, мой каприз. Я иногда помогаю людям просто из филантропии.

– Что, правда? И о чём я должен рассказать, чтобы получить сухую постель и чашку горячего супа? О чём-то особенном? Но в моей жизни не было ничего удивительного или секретного! Моя жизнь очень обычная, – с горечью проговорил мужчина.

– Но, я уверен, у вас в жизнь была любовь, она у всех бывает!

– Любовь? Вас интересует эта ерунда? И за это вы готовы дать мне кров?

– Это не ерунда, это – самое ценное в жизни каждого человека! И самое дорогое!

– Что верно, то верно! Самое дорогое! Это мне обошлось мне так дорого, что я оказался тут нищий, голый и босый! – с отчаяньем воскликнул мужчина.

– А вы не читали, что за объявление висит на входе в отель? Там написано, что если вы расскажете свою любовную историю, вам гарантированно предоставляется ме-

сто совершенно бесплатно!

– Что, честно? – удивился мужчина.

– Посмотрите сами, вот табличка! – хозяин отеля указал рукой на небольшую вывеску, прикреплённую к калитке. Он смотрел на мужчину, поглаживая котёнка на руках, который перестал трястись от холода и доверчиво прижался к его груди.

Человек за забором близоруко прищурившись, посмотрел на объявление, потом на котёнка, пригревшегося на руках хозяина отеля, и поднялся на ноги.

– Так что, пойдём? – предложил человек под зонтом.

– Ну, если можно, – неуверенно ответил гость, робко направляясь к калитке.

– Добро пожаловать! – пафосно воскликнул хозяин отеля.

И в ту же минуту, как мокрый гость пересёк границу территории отеля, во дворе загорелись электрические фонари, освещая дорожку к крыльцу. Гость испуганно отпрянул от калитки, но хозяин любезно взял его под руку и повёл заробевшего мужчину к крыльцу.

– Да ну что вы, честное слово! Это просто фонари на фотоэлементах, они включаются, когда кто-нибудь пересекает световую линии...

Мастер Крауф провёл мужчину до крыльца, где их встретила прелестная белокурая нимфетка.

– Ах, как я рада, что у нас новый постоялец! – воскликнула она.

– Вы точно рады? — рассеяно проговорил гость, неуверенно снимая мокрую куртку в прихожей, не зная, куда её пристроить. Он посмотрел на свои промокшие ботинки, не решаясь пройти в них по ковру, застилавшему прихожку.

– Давайте вашу куртку! – предложила нимфетка. Онахватила её из рук мужчины и унесла куда-то, а ему под ноги подсунула мягкие сухие тапочки, в которые он тут же облачился, сняв мокрую обувь и носки.

Мужчина прошёл в гостиную, освещённую горящими свечами и огнём камина.

– Это точно – отель? – удивлённо спросил он, оглядываясь по сторонам.

– Не стесняйтесь, это точно – отель, пропела нимфетка, появляясь снова и отвечая на вопрос гостя, потому что больше ответить было некому – человек в чёрном исчез.

– Вот ключ от вашего номера, там вы сможете принять тёплую ванну и переодеться в сухое платье, думаю, вы найдёте в гардеробе что-то для вас подходящее. После этого спускайтесь в гостиную, вам предложат горячий ужин.

С этими словами девушка всунула в мокрую руку гостя ключ и проводила до деревянной лестницы, ведущей наверх. Тот, неловко оглядываясь, неуверенно начал подниматься по ступенькам. На площадку выходило, как минимум три комнаты, мужчина выбрал дверь по номеру на своём ключе, размышляя о том, что ему, видимо, придётся довольствоваться свечами, раз тут так принято. Или может, электриче-

ство отключили за неуплату, если учесть странные альтруистические причуды хозяина.

Он не успел удивиться, но когда вошёл в номер и по привычке протянул руку, нажав на то место, где обычно бывает выключатель, светильник под матовым плафоном в маленькой прихожей вспыхнул ровным спокойным светом. Он пожал плечами, посмотрел на просторную кровать, где вполне могли разместиться двое, а то и трое постояльцев и отправился в ванную комнату, с удовольствием сбросив на пол, выложенный блестящей плиткой, свою мокрую одежду.

Лёжа в просторной ванне, плюхаясь по-детски в ароматной пене, он наслаждался приятной и ставшей уже недоступной ему такой простой процедурой. Его тело просто изнемогало от восторга, соприкасаясь с тёплой, душистой водой. Он вдыхал ароматы пенки, шампуня и чистой воды и чувствовал себя абсолютно счастливым. В его положении это было почти чудом, он так давно не мог просто с комфортом помыться! На полочке в ванной комнате стояли разнообразные красивые бутылочки с шампунями, пенками, бальзамами, баночки со скрабами, лежали также станки с одноразовыми бритвами. Он погладил подбородок – да, побриться бы не мешало!

Когда он вышел из ванной комнаты чистый, выбритый и одетый в красивый шёлковый халат, который он взял в ванной, то почувствовал себя возрождённым к жизни и жутко голодным. Вспомнив наставление нимфы о том, что в номе-

ре полно одежды, он нерешительно открыл дверцу шкафа, надеясь отыскать там хоть какую-нибудь рубашку и брюки или спортивные штаны. На бельё он не рассчитывал, прикинув, что свои трусы придётся постирать и просушить в ванной на полотенцесушителе, чтобы надеть завтра. Но, к его удивлению, шкаф был полон белья и верхней одежды, и он без труда нашёл и трусы, и майку, и рубашку, и брюки, подобрав всё по своему размеру. И даже что-то вроде домашней куртки обнаружил – удивительный бархатный пиджак клюквенного цвета. Облачившись в это великолепиие, мужчина почувствовал себя кем-то вроде актёра старой школы или английского лорда, или герцога в изгнании. Он улыбнулся себе в зеркало, но улыбка вышла жалкой из-за отсутствия передних зубов. Он понуро опустил голову, сжал губы в узкую щёлку и пошёл в гостиную, надеясь получить там горячий ужин, как ему обещали юная блондинка и человек под зонтом.

В гостиной, где горели свечи и пылал огонь в камине, в глубоком кресле сидел тот самый человек, который пригласил его в отель, он сидел молча, давая возможность вошедшему осмотреться. Гость оглядел просторную комнату, и она показалась ему непривычной и тревожной. Беспокойство вызывало слабое освещение гостиной, углы её тонули во тьме, неровные блики от камина порождали в душе смятение, колеблющееся пламя свечей, зыбкое и неверное, прибавляло неуверенности. Непривычные вещи наполняли ком-

нату, гость подумал, что видел подобное убранство в антикварном магазине. Он остановил взгляд на каминной полке, там стояли удивительные часы с фигурками медведя и лани, видимо старинные и дорогие. Фигурки выглядели совершенно, как живые – ему показалось, что медведь вот-вот накинется на лань, ему стало не по себе и он отвернулся. Кроме часов на мраморной каминной полке стояли другие статуэтки, изображающие странных существ и животных, и они тоже вызвали у гостя беспокойство, потому что казались живыми и смотрели на него: кто-то пристально, а кто-то злоеще.

Мужчина отвернулся от них, переведя взгляд на тёмный портрет над камином, по обеим сторонам которого висели щиты с коллекцией холодного оружия. Полотно терялось в полумраке, слабо освещённое двумя свечами на каминной полке, но он всё равно разглядел его. На портрете был изображен рыцарь, облачённый в бархатный камзол, расшитый золотом и камнями, из-под которого выбивались широкие рукава рубашки, обильно отделанной кружевом. Сам рыцарь сидел в глубоком кресле с кубком в руке и с улыбкой на лице. Гость не мог оторваться от его пронзительного взгляда, отмечая, что его полные красные губы, растянутые в улыбке, выглядели странно на тёмном мрачном полотне, погружённом почти полностью во тьму. Он перевёл взгляд на руку, державшую кубок: на пальце тусклым серебром отливал перстень с чёрным камнем, с вырезанными на нём странны-

ми символами. Должно быть – оникс, подумал гость, взглянув на человека в чёрном френче, сидящего в кресле – несомненно, на картине изображён именно он, хозяин отеля. Он, так же как рыцарь на портрете, сидел в глубоком кресле, держал старинный кубок и на пальце у него блестел перстень с чёрным ониксом и непонятными символами.

Теперь, немного придя в себя, гость смог как следует разглядеть этого человека. Тот смотрел на гостя и улыбался странной вампирской улыбкой, точно такой же, как на полотне, но в отличие от рыцаря на портрете, у которого волосы спадали на плечи, голова хозяина отеля была совершенно лишена волос.

– Давайте знакомиться, меня зовут Артемий Крауф. – представился хозяин.

– Какой замечательный портрет вам сделали! Выдержан в средневековом стиле, хорошая работа! Даже состарили его, с виду, как антиквариат! – сделал комплимент хозяину гость.

– Не хочу вас разочаровывать, но это и вправду – антиквариат. Портрет написан в начале шестнадцатого века в Кёнигсберге одним малоизвестным художником.

– Вот как? И вы так точно знаете дату? Хотя, конечно, художники всегда подписывают свои работы. А рыцарь удивительно похож на вас, это ваш предок?

– Совершенно верно, это мой предок, его имя — Генрих фон Крауф.

– То есть вы – его прямой потомок? – удивился гость, –

Он был рыцарь?

– Да, он являлся потомком тевтонского рыцаря, который вместе со своим другом, Генрихом фон Изенбергом комтуром Кёнигсберга построил замок Гердауен на месте разрушенной прусской крепости. Его портрет, как вы понимаете, не сохранился – это было ещё раньше, в четырнадцатом веке.

– А кто эту прусскую крепость разрушил?

– Они и разрушили, а на этом месте новую построили.

– Сами разрушили, сами построили, – усмехнулся гость, – Вот времена были! В наше время обычно останавливаются на первой позиции – разрушении, а до постройки как правило руки не доходят. А комтур, это что такое? Титул или военный чин?

– Комтур – это должность, хотя, в какой-то мере и военный чин! Это смотритель орденового замка, исполняющий обязанности начальника крепости, комтур назначался руководством Ордена. Между прочим, об основании Гердауена существует подлинная историческая запись в «Прусских хрониках». Пётр Дуйсбургский, орденовых хронист, написал, что замок построен по велению Великого Магистра Тевтонского Ордена брата Вернера, – с гордостью пояснил хозяин.

– Ого! Как хорошо вы знаете свою родословную! Значит, вы – потомок тевтонского рыцаря... но позвольте, рыцари Ордена были монахами, они не могли иметь семью, детей! Значит, вы – побочная ветвь на этом родословном древе?

– Нет, всё не совсем так... Конечно, Тевтонский Орден – монашеский, но в те времена существовали и так называемые серые рыцари, они не носили белый плащ с крестом, не являлись монахами и имели семьи. Именно такой рыцарь и был моим предком, он женился на прусской красавице и остался жить в построенном городе.

– Вот как... А Гердауен – это сейчас что за город?

– Сейчас это посёлок Железнодорожный.

– Да-да, я вспомнил... Тогда, возможно, и оружие на стене настоящее, а не муляжи или новодел?

Хозяин засмеялся:

– Здесь всё настоящее..., впрочем, вернёмся к действительности. Проходите в гостиную, осмотритесь, здесь много необычного, вы не сразу всё увидите, не торопитесь...

Гость, мельком взглянув на белокурую нимфетку, стоявшую за спиной хозяина, заметно поскущел и прошёл к свободному креслу.

– Ну вот, вы познакомились со мной, теперь поговорим о вас, как мне вас называть? – поинтересовался Артемий.

– Вообще-то, мама меня назвала Антоном, но можете называть меня просто – придурок! Потому что я конкретно влип! – воскликнул с горечью гость.

Он немного помолчал, потом неуверенно проговорил.

– Вы обещали горячий ужин, это правда?

– Без проблем! – хозяин махнул рукой и тут же белокурая девушка, державшая в руках поднос, поставила его перед го-

стем.

– Познакомьтесь с моей помощницей – Дейнерис, если у вас появятся какие-то вопросы, можете обращаться к ней.

Гость увидел чашку с горячим супом и принялся проворно орудовать ложкой, не взглянув на другие тарелки на подносе и даже на юную блондинку.

Артемий усмехнулся, подождал, пока гость доест куриную лапшу и продолжил свои расспросы только после того, как тот начал неспешно грызть свиные рёбрышки с отварной картошкой и квашеной капустой.

– Ну, теперь вы немного подкрепились и можете продолжить беседу?

– Ну, да, могу...

– Извините, если я не даю вам времени насладиться ужином, уверяю вас, вам ещё представится случай вкусно поесть, и это будет не позже, чем завтра... Дейнерис, принеси нам вина... Вы какое вино предпочитаете...

– ...в это время суток? – продолжил гость, криво усмехаясь.

– О, вы, как я вижу, тоже поклонник Булгакова?

– А разве может быть иначе?

– Так что вам налить? Красного? Белого? Водки?

– Нет, только не водки! Давайте красного, что ли... если нет коньяка, впрочем, в моём положении выбирать не приходится! – дерзко проговорил гость.

– Хорошо... – Хозяин махнул рукой, нимфетка появилась

тут же и налила красное вино из бутылки с экзотической наклейкой, удостоверяющей, что оно произведено с ЮАР.

Гость, мельком взглянув, наконец, на девушку, пригубил бокал вина.

– О! Это совсем неплохое вино, густое, насыщенное, почти как знаменитое Фалернское у Булгакова. Впрочем, это вполне логично, если учесть, что виноград вырос в пустыне, где нет никаких крылатых вредителей, вроде всяких там мошек, мушек и других, которые терроризируют европейские виноградники – они не могут перелететь пустыню... Это бонус для виноделов Южной Африки! – проговорил гость.

– О! А вы разбираетесь в виноделии! – удовлетворённо воскликнул Артемий.

– Ну, так, как дилетант... – протянул гость, поглядывая на нимфетку и отхлёбывая из бокала щедрые глотки.

– Извините, вы точно дали мне приют в обмен на мой рассказ из жизни? – неуверенно поинтересовался он.

– Совершенно верно. Кроме того, возможно, я смогу помочь вам разобраться в ситуации, отыскать причину ваших проблем, найти выход и избежать катастрофических последствий неизвестных пока мне событий.

– Как сложно всё! То есть, вы сможете мне помочь?

– Надеюсь. Но вы должны быть со мной предельно откровенны.

– Да мне нечего скрывать! А зачем вам это нужно?

– Ну, считайте это благотворительностью... А кстати, вы

не против, если к нам сейчас присоединится гостья из соседнего номера? – проговорил Артемий.

– А у вас ещё и другие постояльцы? – удивился гость, – Мне всё равно, если честно. Хотя я бы не хотел говорить при посторонних о своих проблемах.

– А при мне?

– Ну, вы, вроде, не посторонний... Я так понял, что это – плата за постой! И даже, я надеюсь, из моих рассказов вы сможете понять, какова причина моего нынешнего положения и подсказать, что мне делать дальше. – гость пристально взглянул в глаза хозяину.

Хозяин улыбнулся и махнул рукой. Повинуясь этому указующему жесту, нимфетка спешно прошла к лестнице, и спустя небольшое время со ступенек спустилась женщина в бархатном вечернем платье синего цвета. Глубокое декольте открывало её высокую грудь, как минимум, четвёртого размера, пухлые губы были плотно сжаты, а бледные щёки пылали румянцем.

– Позвольте представить вас, господа: мой гость Антон и моя гостья Ольга. Будьте корректны и миролюбивы друг с другом... – проговорил Артемий.

Антон равнодушно посмотрел на декольтированную даму и бросил заинтересованный взгляд на юную блондинку, чей плоский профиль и такую же плоскую фигуру высвечивало пламя свечей в канделябре.

– Я оставлю вас на время, пожалуйста общайтесь, зна-

комьтесь друг с другом и с домом. Уверяю вас, здесь есть много чего любопытного. Вам предстоит здесь прожить какое-то время.

– То есть вы не выставите нас завтра из дому?

Хозяин засмеялся.

– Нет, разумеется! Я предоставляю вам кров и стол как минимум на неделю. Отдыхайте, господа! До полнолуния ещё есть время...

С этими словами Артемий покинул гостиную, оставив гостей в обществе белокурой девушки и ворона, который совершенно свободно расхаживал по комнате. Маленький котёнок уютно устроился на медвежьей шкуре у камина.

– Я могу предложить фрукты? – спросила Дейнерис.

– Спасибо, – поблагодарила женщина, отщипывая чёрную ягоду с кисточки винограда. Роскошная ваза с фруктами появилась одновременно с ней, она взяла бокал вина и пригубила его.

Антон равнодушно посмотрел на неё, отметив, что она – средних лет, вернее, старше средних лет. От неё несло духами и косметикой, такие женщины Антона не интересовали. Раньше она, наверное, была красивой, лет двадцать назад: натуральная блондинка с роскошными формами – такой типаж ценился в годы её юности. Но это время прошло, с годами она располнела и сильно злоупотребляла косметикой, пытаясь вернуть молодость, и от этого ещё больше подчёркивала свои годы. Антон сразу понял это, едва взглянув на яркий

румянец и искусственную бледность лица, нарисованную её неумелой рукой. Он с неприязнью заподозрил, что женщина станет заигрывать и кокетничать с ним. Но, присмотревшись у неё внимательно, понял, что она не интересовалась такими мужчинами, как он. Дама оценивающе оглядела его с ног до головы, задержавшись на осунувшемся лице с узкой полоской губ, прикрывающих обломки зубов, на седых висках и сутулых плечах и равнодушно отвернулась. Он с облегчением вздохнул – это его почему-то утешило и обрадовало. И он почти с симпатией посмотрел на женщину – в принципе, она неплохо выглядит для своего возраста, и главное – не претендует на него!

Они почти по-дружески выпили по бокалу красного, густого и какого-то странного на вкус вина.

– Я бы лучше выпила коньяка, – проговорила женщина, вызвав дополнительную симпатию Антона.

– Вы тоже любите коньяк? – заинтересовано спросил он, – И какой?

– Вообще-то мне нравится Калининградский, вернее – старый Кёнигсберг.

Он удовлетворённо кивнул, положив в рот кусочек сочного манго.

– Но здесь не приходится выбирать, что дают, на том и спасибо. Ещё хорошо, что нас тут приютили, хотя бы на время...

– А вы тоже появились тут в таком же неприглядном виде,

как я – мокрый, без денег и дальнейших планов на будущее?

– В общем – да, – грустно проговорила женщина и замолчала.

Она снова подняла бокал, но он оказался пуст, и Антон наполнил его из бутылки, оставленной на столе блондинкой, сама она уже покинула гостиную, оставив гостей одних.

– А как мне вас называть? Это я не для того, чтобы познакомиться, а просто – мы же должны как-то обращаться друг к другу. Раз мы всё равно на какое-то время будем жить в одном доме. – спросил Антон.

– Нас же представили, я – Ольга, – недовольно ответила женщина.

– Простите, я не запомнил...

Они замолчали, женщина пила вино, мужчина маленьким ножом отрезал кусочки манго и отправлял себе в рот.

– Тихий Ангел пролетел, – усмехнулась женщина, мужчина с удивлением взглянул на неё.

– Какой странный дом, вы обратили внимание, что тут пахнет ладаном?

– Вы тоже это заметили? Я думал, мне померещилось.

– А какая странная картина висит в моей комнате! Просто зловещая какая-то. Когда смотришь на неё, кажется, что начинаешь входить в неё, как в дверь!

– Вот как? И что там изображено – дом? Если есть дверь!

– Нет, это жанровая картина – двое мужчин в старинных костюмах, где-то восемнадцатого века сидят за маленьким

круглым столиком в золочёных креслах с бокалами в руках. А дама в белом парике на диване. Всё такое гламурное: розы, амуры, позолота, веер, в общем, слащаво до тошноты! Сплошная пошлость! Всё, что я ненавижу.

– Ну, и что тут зловещего?

– А то, что они смотрят на меня! Так смотрят, как живые, и прямо затягивают к себе в комнату, так и хочется туда войти.

– Забавно!

– Что тут забавного? Я, наверное, побоюсь спать под их взглядами.

– До такой степени беспокоит?

– До такой степени. А у вас в номере какая картина висит?

– Не обратил внимания, может, нет ничего?

– Обязательно должна быть. Тут вон тоже какая-то странная картина висит, да и вообще – все стены увешаны картинами, гобеленами... может, пойдём осмотрим, пока хозяина нет? Возьмите канделябр, а то здесь темно.

Антон согласно кивнул. Они поднялись со своих мест, прошли вдоль стен, обитых старыми дубовыми панелями почти в рост человека, которые придавали комнате мрачноватый вид. Гостиная имела высокие потолки, никак не меньше трёх метров, выше дубовых панелей размещались чучела различных птиц и зверей, а также деревянные маски.

– Какие жуткие маски! —воскликнула Ольга, – Это просто демоны какие-то! Мне страшно!

– Демоны? Вряд ли, просто эта гостиная обставлена в стиле английского классического кабинета! Или охотничьего дома. Посудите сами – дубовые панели, гобелены, псевдо-старинные картины и чучела птиц и зверей, вроде бы добытых самим хозяином. А также коллекция фальшивого, якобы старинного холодного оружия! – усмехнулся Антон, – Всего лишь – дань моде.

– А маски? – неуверенно спросила Ольга.

– Тоже – дань моде! Сейчас принято выставлять на обозрение гостей всякие статуэтки, даже вот, взгляните – какие-то резные фигурки в дверных проёмах!

– Это похоже на древние руны... – проговорила женщина.

– Вы разбираетесь в этой ерунде? – иронично спросил мужчина. Женщина, застыдившись, замолчала.

– Лучше взгляните на эти книги! Это действительно – настоящее сокровище! – восторженно воскликнул Антон, подойдя к огромному книжному шкафу, занимающему целую стену. Они до сих пор не заметили его из-за недостатка освещения.

– Посветите, пожалуйста... – проговорил он, отворяя дверцу шкафа.

– Это какие-то старинные фолианты... на каком языке? Это, похоже – латынь, посмотрим, что это... Питакрис Испанский... сочинения аббата Триггемия «*Philosophia naturalis*» и «*Antipalus maleficiorum*», а это труды Петра Аполлонского «*Elementa magica*», ну, вы поняли: «Есте-

ственная философия» и «Элементарная магия» ... Так, а это «Henrici Cornelii Agrippae ab Nettesheym de Occulta Philosophia libri tres» – «Генрих Корнелий из Неттесгейма, об оккультной философии, три книги».

– Вот как? Магия! Такие старинные фолианты, интересно, сколько им лет? Дорогие, наверное. А откуда вы знаете латынь? – удивилась Ольга.

– Моя мама – врач, а они пишут на латыни, ну, и я тоже немного нахватался... – пояснил Антон, перебирая старинные книги на полках.

– А вот эти книги – почти новые и современные, двадцатого века... «Книга теней» - Джеральд Б. Гарднер, «Лестница света» - Уильям Грей, «Гранатовый сад» – Израиль Регарди, «Тропы мудрости» – Джон Майкл Грир, «Путеводитель по каббалистическому символизму» – Гарет Найт... Это книги по Каббале...

– Каббала? Это что-то из иудейской религии, сейчас это стало модным. Значит, тут точно занимаются магией! – воскликнула Ольга.

– А это точно немецкий... – Антон продолжил осмотр книжных полок, – Гёте! Год издания... С ума сойти! Прижизненный! Сокровище! Не верю своим глазам! А это -прижизненное издание Блока! Анны Ахматовой, Цветаевой... Боже!

– А почему вы так радуетесь книгам старых поэтов? Кому они нужны? В наше-то время! Да и новые тоже! Это старьё

никому не нужно! – иронично пожала плечами Ольга.

– Вот как? – мужчина положил фолиант на полку, захлопнул дверцу шкафа и опустился на пол, закрыв лицо руками. Его плечи содрогались от рыданий.

Женщина удивлённо смотрела на него, не понимая происходящего. Потом несмело подошла к мужчине и прикоснулась к его плечу.

– Вы плачете? Простите, если я что-то не то сказала, ... если я вас обидела... я не хотела... Простите!

Она попыталась положить руку на его плечо, но он резко отстранился. Ей ничего не оставалось, как отойти от Антона и сесть в кресло. Ольга глядела на рыдающего мужчину, и у неё самой на глазах навернулись слёзы, она так же, как он принялась рыдать в голос.

Эти рыдания сотрясали их долго, но в конце концов, они успокоились, отсморкались, и, наконец, затихли. Женщина пришла в себя первой, она подумала, что надо как-то помириться с Антоном, и сделать это требовалось максимально деликатно.

– Простите, ради Бога, если я вас обидела, я не хотела! – тихо произнесла она.

– Да ладно, чего там, это не ваша вина!

– Простите, а чем я вас обидела? Я же просто про старых поэтов...

– Дело в том, что я тоже – поэт. И я так же никому не нужен, как и всемирно признанные кумиры!

– Вот как? Вы – поэт? Никогда не видела настоящих поэтов, к тому же – живых!

– А мёртвых? – цинично хохотнул мужчина.

– Простите?

– Ну, если я сейчас умру!

– Нет! Нет! Что вы! Живите долго! А вы действительно поэт? И что вы пишете? В каком стиле? Можете почитать что-то из своих произведений? – попросила Ольга.

Мужчина посмотрел на неё, подумал, что сказать, видимо предавшись тщеславию.

– Потом прочтёте, когда меня не станет. Давайте не будем говорить о наболевшем. Лучше – о неудавшейся жизни, для меня это легче, чем о неудавшейся карьере поэта.

– Хорошо- хорошо, – поспешно согласилась женщина. – Тогда расскажите, как вы очутились здесь, в этом месте, если для вас это не так болезненно.

– Как оказался? – рассеянно проговорил мужчина. – Мой друг пустил меня в свой дачный домик, когда я оказался на улице без денег и без квартиры. Я жил там какое-то время, а потом туда заявила его тёща и потребовала освободить дачу в течение часа, иначе она вызовет полицию. Тюремного опыта получать не хотелось, поэтому я решил, что лучше уйти, а тут дождь начался... а вы как?

– Я пришла сюда утром, дождя ещё не было, но я узнала, что здесь дают приют в обмен на сиротскую историю из жизни. – усмехнулась Ольга. – Не знаю, зачем нашему хозяину

это нужно, но раз я могу получить кров и надежду на решение своих проблем – то я готова отдать и больше, чем просто рассказ о своей несчастной любви.

– А он действительно может помочь?

– Он обещал. Ну, или хотя бы укажет причину наших бед.

– Вот как? Тогда это точно – бинго! Я готов отдать за это всё, что у меня есть – но у меня уже нет ничего...

– Раз вы здесь, значит, хозяин решил, что у вас ещё что-то осталось, чем можно расплатиться.

– Думаете, он такой корыстный?

– А вы считаете, существуют люди, раздающие блага бесплатно? Вы так наивны?

– Наверное, да, я наивен...

– Ну, да, вы же – поэт...

– Что делать, все поэты – наивные романтики.

– Ну, не самое плохое качество в мужчине! Не расстраивайтесь! Пойдёмте лучше осматривать место, куда нас забросила судьба. Вы на втором этаже смотрели? Пойдёмте! – предложила Ольга.

Они поднялись по деревянной лестнице на площадку, где располагалось несколько дверей, две из них вели в их номера, ещё две выглядели похожими. Казалось, больше ничего интересного они не увидят на тёмной пяталке, освещаемом только неровным пламенем свечей в канделябрах у них руках. Ольга наугад пошла дальше и тут обратила внимание на небольшой тупиковый коридорчик. Там тоже имелись

двери, она взялась за ручку одной из них, но та оказалась запертой, другая легко отворилась, и женщина увидела почти такой же номер, как у неё, обставленный стандартно. В кресле у столика сидела знакомая им юная блондинка, она обернулась и вопросительно взглянула на гостей:

– Вам что-то нужно? Я могу помочь?

– Нет-нет, простите, я просто ошиблась номером, – смущённо проговорила Ольга, ретируясь.

– Как неудобно получилось... – пробормотал Антон, удаляясь из коридорчика.

– Действительно, чего это мы начали какой-то обыск? Должны же где-то жить и обслуга, и сам хозяин!

Они спустились в гостиную, снова обошли её кругом, внимательно разглядывая картины на стенах и неожиданно обнаружили рядом с камином незамеченную ранее комнату, над которой висела какая-то рогатая деревянная маска. Комната оказалась запертой, и они пошли исследовать помещение дальше, освещая себе путь тяжёлыми канделябрами.

У Ольги затекла рука. «Наверное, они настоящие, бронзовые», – решила она, поставив свой канделябр на пол. И тут вдруг увидела, что панели на стене в самом углу гостиной как-то неплотно примыкают, стык между ними показался ей слишком широким. Она поковыряла пальцем этот стык – он подавался. Она захотела подойти к этой стене ближе, чтобы отодвинуть панель, но ей мешало огромное кресло, стоящее почти вплотную к стене. Кресло было такое огромное, прямо

как трон, украшенное деревянной резьбой с позолотой, обтянутое шёлковой тканью с вытканными гербами. Ольга попыталась сдвинуть это кресло, но это оказалось ей не по силам. Тогда она позвала на помощь Антона, тот нерешительно подошёл к ней.

– Зачем вы всюду лезете? Это же чужой дом, спасибо, что нас пустили сюда, а вы тут обыск производите! Хотите, чтобы нас выгнали? – он с сомнением отнёсся к её затее.

– Да успокойтесь вы! Хозяин сам сказал, чтобы мы тут осмотрелись! И вообще, надо знать, куда мы попали! Место это уж больно необычное, да и хозяин человек непростой! Конечно, наши жизни недорого стоят, но не хочется попасть в руки каких-нибудь маньяков и извращенцев! И закончить жизнь на цепи в подвале! А может быть, тут какая-то подпольная фабрика!

– Что, таджики кроссовки шьют?

– Возможно! Или героин фасуют! Ещё в тюрьму загремим на старости лет! Давайте лучше кресло сдвинем, чувствую, за ним что-то скрывается! Может быть, вход в подвал!

Они налегли на кресло вдвоём, но несмотря на их усилия, оно не сдвинулось с места, как будто вросло в пол, Антон обиженно опустил руки. Разозлённая Ольга толкнула подлокотник, и тут кресло легко повернулось вокруг своей оси – оказалось, оно могло сдвинуться, только вместе с кружком пола, к которому намертво прикручено. При этом панель стены сдвинулась вместе с креслом, открыв проход в боль-

шую тёмную комнату.

– Что я говорила! – воскликнула Ольга.

– Вам бы только сыщиком работать! – пробурчал Антон, с любопытством заглядывая в темноту и подсвечивая себе канделябром.

– Давайте войдём, посмотрим, что там, – предложила Ольга.

– А если панель опять сдвинется, дверь закроется, и мы окажемся в ловушке? – засомневался мужчина.

– Ладно! Я войду, а вы караульте! Если что, подадите сигнал, – согласилась Ольга и, взяв свечу, двинулась в потайную комнату. Ей пришлось нагнуться, так как ход был узкий и низкий, Антон подсвечивал ей канделябром, пытаясь разглядеть, что там внутри. Он подивился, с какой лёгкостью женщина пролезла в подвал, видно, не такая уж она старая и толстая, как он вначале подумал.

Ольга посветила вокруг – никаких следов производства не наблюдалось. Не заметила она также пыточных инструментов и кровавых потёков на каменных стенах со следами прикованных узников. Не увидела и предметов садо-мазо: ни цепей, ни наручников, ни плёток, ни масок, короче, никакой готики. Но кое-что необычное присутствовало в этой комнате: это нарисованные на каменном полу странные знаки, как будто пентаграммы, а на стенах непонятные картинки и плакаты с кабалистическими знаками и символами. На полках стояли старинные фолианты в потёртых кожаных облож-

ках с металлическими уголками, свечи, какие-то коробочки, разукрашенные шкатулки, стеклянные баночки, ящички и сундучки, между которыми лежали кинжалы, на крючках висели белые одежды и разноцветные шарфы.

– Что там? – нетерпеливо спросил Антон, заглядывая к ней.

– Похоже, тут проводят какие-то ритуалы.

– А какие?

– Ну, хотя бы, человеческие жертвы не приносят, это точно! Во всяком случае, не в этой комнате!

– Успокоили!

– А станков каких-нибудь не нашли? Швейных машинок?

– Нет, ничего такого.

– Ну и ладно, тогда нас не заставят тапки шить!

– Это – да... но тут очень много старинных книг, плакатов, интересно, что это? Только все надписи не на русском, а я не сильна в языках. А вы?

– Тоже не очень, но пару языков знаю: немецкий и английский. Ну, и латынь немного.

– Тогда может быть, вы бы разобрались...

– Ну, алфавит у всех одинаковый, прочтите что-нибудь, какую-нибудь надпись!

– Попробую... Consecratio, Invocatio, Cjnstrictio, Ligatio, Licentio...

– Это какие-то заклинания! Духов каких-то вызывают...

– Тут ещё какие-то лампадки, много разных светильников

старинных, похоже масляных и закрытые баночки... попробую открыть... что-то пахучее... ароматизаторы какие-то... масла пахучие.

– Благовония... – поправил Антон.

– Что-то вроде этого. Тут ещё банки с водой как будто, может, святая вода..., да она солёная!

– Вы что, выпили эту жидкость? С ума сошли! Это могло быть что угодно, даже кислота!

– Да нет, я просто палец туда сунула и облизнула!

– Любопытство вас погубит!

– О! Да тут ещё шкатулка с драгоценностями! Похожи на настоящие, не бижутерия! Только несовременные очень.

– Старинные, значит!

– И что вы об этом думаете? Что это за комната?

– Похоже, это комната для ритуалов. И я думаю, что надо быстренько оттуда уходить, пока вас там не увидели.

– Согласна, пора сматываться, пока не застучали! – Ольга торопливо покинула помещение. Они с Антоном быстро поставили кресло на место и отправились ближе к камину.

– Пойдёмте кофе пить, часы пробили десять, а хозяин сказал, что к этому времени подадут кофе. – предложила Ольга, поправляя волосы и платье.

Глава 2. Прусский мёд

В доме рыцаря пылали факелы, в парадной зале на столе стояли обильные угощения, кувшины с вином, в канделябрах горели свечи. За столом восседал сам хозяин, пировавший вместе с друзьями, гости веселились, отмечая удачную охоту, на блюдах лежали зажаренные перепела, рябчики, слуги подливали вино в кубки гостей.

Трое скрипачей веселили гостей своей игрой, звуки флейты и лютни сменялись победными звуками рога.

– А что господа, не пригласить ли нам дев, чтобы они украсили наше мужское общество? – заявил хозяин. Это предложение было встречено взрывом восторга.

Вскоре к ним присоединились беззаботные женщины, громким смехом, танцами и пением наполнили они мрачную залу, освещённую свечами в огромных канделябрах и коптящим пламенем факелов, и пирушка продолжилась с новой силой. Глубокая ночь не остановила праздных гуляк, свет в окнах не гас почти до утра. Никто не беспокоился о том, чтобы утаить своё веселье, да и зачем? Все гости были молоды, богаты, не обременены супружескими узами и потому беспечны.

Им было невдомёк, что за их забавами наблюдают ревнивые глаза юной девы, которая под покровом ночи пробралась к дому рыцаря и даже проникла внутрь, скрываясь под ка-

пюшоном и платьем служанки. Это была дочь знатного барона, единственная наследница большого поместья – прекрасная Эльза, возлюбленная хозяина дома. Они уже давно тайно встречались, предаваясь греховной страсти, Генрих уверял девушку в своей любви, обещая, что вскоре они пожениются. Но время шло, а он так и не сделал шагов, чтобы узаконить их отношения. Она стала замечать, что её возлюбленный стал охладевать к ней, всё реже он писал ей письма, назначая тайные свидания, всё чаще она просиживала вечерами одна, тоскуя и страдая от любви, а он уже перестал говорить о свадьбе. И всё чаще он проводил время в кругу друзей и весёлых дев, кутил и предавался утехам продажной любви. До неё стали доходить слухи о его частых визитах в дом пастора, у которого была молодая жена и красавица дочь. Тоска и уныние Эльзы стали сменяться муками ревности и взрывами отчаяния, меланхолия медленно и неотвратимо овладевала её душой.

Эльза не могла поверить в охлаждение Генриха, она больше не хотела полагаться на слухи и мучиться неизвестностью, а решила всё узнать сама, и этот секретный визит должен был раскрыть все тайны её возлюбленного. Она написала ему письмо и велела служанке отнести его Генриху, но сама не осталась дома, Эльза надела платье прислуги и отправилась вместе с ней. Когда девушка двинулась в парадную залу, Эльза прокралась в тёмный коридор и спряталась в нише. И теперь из темноты смотрела, как её возлюбленный пи-

рует в кругу друзей и весёлых красоток, и одна из них сидит у него на коленях. Она видела, как её горничная подала Генриху письмо, тот рассеянно взял его, повертел в руках и бросил прямо в лужу вина, пролитого на столе.

– Простите, господин Крауф, моя госпожа просила вас прочесть это письмо и передать ваш ответ, – проговорила служанка, как её научила хозяйка.

Генрих засмеялся, гости, видя это, заинтересовались посланием и принялись давать советы.

– Какая-то прелестница хочет с тобой встретиться? И как она, хороша? Может, познакомишь, или лучше – пригласи её сюда к нам, вместе повеселимся! – несло со всех сторон.

– Нет-нет, господа! Это невозможно, она – благородная особа. С ней нельзя обращаться, как с простолюдинкой, но она мне ужасно наскучила! Просто не знаю, как отделаться от неё и от её навязчивой любви!

– Так передай её нам! Глядишь, ей понравится! Нам- то уж точно!

– Она благородная особа, говорю вам! Она скорее в монастырь пойдёт, чем примет такое предложение! А вообще-то она собралась выйти замуж, и что самое печальное – за меня. А я совсем не готов к этому.

– Женить тебя хочет? Не соглашайся!

– А почему бы не жениться, если она богата? А веселиться и после свадьбы можно!

– Кто твоя красотка? Она богата? Хочешь, я на ней же-

нюю! У меня сейчас столько долгов, что я готов жениться хоть на горбатой, лишь бы на богатой.

Эти и другие возгласы неслись со всех сторон.

– А что она пишет? Давайте прочитаем!

Глумясь, один из друзей распечатал письмо Эльзы и принялся читать его под радостные возгласы участников пирушки.

«Милый друг! Как давно я не видела вас в своих объятиях, неужели вы забыли всё, что нас связывает – нашу любовь? О, как я страдаю без ваших нежных рук, ваших страстных глаз, когда же я смогу снова увидеть вас?...»

– Какой стиль! Да она влюблена в тебя по уши!

– А подпись, подпись есть?

– Нет, только вензель, похожий на Э или О.

– Жаль, невозможно узнать, кто это!

– А горничная у неё красотка! На кого-то она похожа, в чьём доме я видел её?

– Крошка, кто твоя хозяйка?

– Милашка, хочешь с нами повеситься? Налить тебе вина?

Эти выкрики пьяных мужчин неслись от стола, один из гостей схватил горничную за руку, пытаясь посадить её себе на колени. Она оттолкнула мужчину и обратилась к Генриху:

– Господин, что передать моей госпоже?

– Передай, что я сейчас занят, очень занят. Когда будет время, я заеду к ней. Иди, не мешай нам!

Он отвернулся от девушки и снова обратил своё внимание

на подружку у себя на коленях.

– Нет, ты скажи, чем тебе не угодила твоя прелестница? Она хоть красотка, или так себе? – не отставали от хозяина пьяные гости.

– Да красотка она, красотка! Только мне наскучила её показная пресная добродетель! То ли дело – бойкая жена трактирщика или дочка торговли рыбой!

– Эмма? Да, эта девица с перцем, с ней не соскучишься!

– Нет, как хотите, а с этими благородными особами встречаться – просто наказание! То ли дело простолюдинка – трактирщица или торговка! Подарил ей серебряное колечко или платочек – она и довольна! Не то, что эти девицы, полно претензий и капризов, да ещё так и нороят тебя под венец затащить!

– Так твоя возлюбленная – незамужняя дева? Это опасно, могут неприятности возникнуть! Напрасно ты связался с девицей! Если уж встречаться с женщиной нашего круга, то надо выбирать вдову, а ещё лучше – замужнюю даму! Эти с радостью готовы завести романчик на стороне и сами стараются скрыть связь, а от девиц – одна головная боль!

Весёлая компания продолжала гулять, не беспокоясь более об отставленной подруге хозяина.

Эльза всё видела и слышала, она стояла в тёмном коридоре, кусая губы от обиды. Кровь вскипела в её жилах от этого зрелища, она сжала руки в кулачки. Нет, она не позволит ему так обращаться с собой! Не даст ему веселиться, когда

она страдает! Он тоже должен страдать! Он принадлежит ей, только ей одной! Она никому его не отдаст, лучше убьёт! И сама умрёт! Или...

Сдерживая рыдания, она бросилась бежать прочь, унося от дома любимого свою любовь, своё горе и своё отчаяние. Но в её голове вместе с горьким разочарованием уже созрело решение. Нет! Она не станет умирать от любви, и его не станет убивать, она слишком любит его, но она знает, что нужно делать.

В Кёнигсберге шёл дождь, потоки холодной воды падали с ночного неба, скрытого тёмными тучами, но осеннее ненастье не могло помешать одинокой путнице. Улицы были пустынными, женская фигура, закутанная в плащ, пробиралась по тёмной улице Рольберг. Эльза оглядывалась по сторонам, остерегаясь чужих глаз, она прятала лицо под капюшоном, но никто её не видел, никто не преследовал. Девушка могла не опасаться, место, где она тайком продвигалась к своей секретной цели, было не из тех, где бродят случайные прохожие, любопытные горожане и толпы зевак, там мог появиться только тот, кто намеренно украдкой шёл к постоянным обитателям этой улицы. Здесь обретались странные жители, они не искали известности, она у них уже была, и это такого рода известность, которую не выставляют напоказ, а прячут. Эльза шла одна, даже свою служанку она оставила на постоялом дворе, прибыв из Гердауена ещё утром, девушка поче-

му-то вышла на улицу только ночью. Она шла по секретному адресу, стараясь остаться незамеченной.

Подойдя к нужному дому, Эльза осторожно постучала в дверь. Открыли быстро, мальчик слуга без вопросов провёл её в большую полутёмную комнату, освещённую одинокой свечой.

За большим столом сидела старая женщина с растрёпанными седыми волосами, она пристально смотрела на вошедшую.

– Здравствуйте, госпожа Генриетта, – сказала поздняя гостья. Старуха промолчала.

– Я пришла к вам за помощью. – продолжала Эльза. Старуха снова не ответила, она молчала глядела на девушку.

– Я полюбила одного господина! Я полюбила его сразу, как только взглянула в его глаза. Он тоже уверял меня в своей любви, говорил, что хочет быть со мной всегда и обещал любить вечно! Да, я стала его любовницей, не смогла устоять перед ним! Я мечтала, что он станем моим супругом! Он обещал, а сам меня предал, посмеялся надо мной, над моей любовью. Он больше не любит меня, он меня обманул! Я хочу, чтобы его наказали.

Эльза смотрела на старуху, но та продолжала хранить молчание.

– Я готова заплатить вам, вот, – решительно заявила Эльза, выложив перед старухой на стол стопку золотых монет. Старуха с интересом взглянула на золото, удовлетворённо

кивнула и, наконец, проговорила сиплым голосом:

– Это большие деньги, тебе нужно что-то серьёзное. Приворот стоит гораздо дешевле. Ты задумала что-то страшное... что ты рассчитываешь получить за эти деньги? Чтобы я наслала порчу на твоего избранника? Убила его? Изуродовала, наслала на него чуму, оспу, проказу? Чтобы он упал с лошади и сломал себе хребет?

– Нет! – испуганно воскликнула Эльза, – Не надо его уродовать, не надо убивать! Но я хочу ему отомстить, хочу, чтобы он полюбил и страдал от безответной любви, так же, как я. Он должен так долго страдать, чтобы наконец понял, что такое любовь, какое терзание, какие муки она может принести. Он должен узнать, какая это пытка – любить без ответа, когда не можешь жить, дышать, спать!

– Ты всё ещё любишь его...

– Нет, я его ненавижу!

– Ты всё ещё любишь его, ты не хочешь его отпустить. Я поняла, что тебе нужно: ты хочешь, чтобы твой возлюбленный снова тебя полюбил, чтобы он стал твоим... Надолго? На месяц, два, год?

– Навсегда! Навечно! Пока я жива, пока он жив!

– Я проведу ритуал, чтобы твой избранник оказался прикован к тебе навек. Он не будет знать ни сна, ни покоя, ни радости, ни веселья, ничто не сможет его утешить, даже ласки красавиц, и он не сразу поймёт, в чём дело.

– Да, да, это было бы хорошо! Пусть будет так, как он обе-

щал мне когда-то сам – он будет любить меня вечно!

– Я устрою вашу свадьбу, хочешь?

– Хочу! Но как это сделать, если он избегает меня? Может быть даже уже не любит.

– Это неважно.

– Как – неважно? Разве можно провести свадьбу без согласия жениха?

– Можно не только без согласия, но и без его присутствия, но это не так просто... – проговорила старуха, – Для этого золота будет мало...

– Я принесу тебе ещё! – воскликнула Эльза.

– Тут нужно кое-что ещё, кроме золота... чтобы что-то получить, надо кое-что отдать. Тебе это дорого будет стоить, он будет страдать, но и тебе тоже придётся забыть о спокойной жизни. Ты готова к этому?

– Я готова на всё!

– Я проведу ритуал, но он должен подкрепляться, тебе придётся многому научиться, ты должна стать такой, как я.

– Такой старой? – ужаснулась Эльза.

– А с чего ты взяла, что я – старая? Я могу быть разной! – воскликнула колдунья.

Эльза удивлённо взглянула на женщину – за столом сидела молодая рыжеволосая красавица с сияющими зелёными глазами и сочными алыми губами. Она засмеялась, запрокинув голову и сверкая белыми зубами.

– Как вам это удаётся? Как вы это делаете? Это чудо! Это

восхитительно!

– Хочет стать такой, как я?

– Хочу!

– Я научу тебя, если хочешь... деньги у тебя есть... а пока... слушай меня внимательно, как ты должна поступить. Сделай именно так, как я скажу, выполни всё в точности, не отступая ни на шаг...

Ночь выдалась ветреной и дождливой, порывы ветра рвали ветки деревьев, луна едва прорывалась сквозь тёмные тучи, совсем не освещая узкие улицы города. В доме барона все окна, как глаза слепца, зияли темнотой, только в одной комнате между плотными шторами прорывалась узкая полоска света, это была спальня Эльзы. На столе, покрытом богатой скатертью, сбитой на сторону, стояли два бокала красного стекла, кувшин с вином и ваза с фруктами.

На раскрытой постели лежали обнаженные тела мужчины и женщины, утомленные страстью. Мужчина, прикрыв глаза смотрел на Эльзу, на её нежные губы, пламенеющие спелой вишней, разбуженные его поцелуями, на бледное лицо с лёгким румянцем, проступающим сквозь тонкую белую кожу, на золотистые пряди волос, раскинутые на подушках. С довольной улыбкой, блуждающей на губах, Генрих любовался обольстительными формами девушки, её тело казалось безупречным: стройные ноги, аккуратные небольшие грудки, тонкая талия... Его тщеславие грела мысль, что всё

это совершенство отдано в его собственность, в его безраздельную власть. Этой ночью девушка проявила себя с новой, неожиданной стороны. Обычно несколько холодноватая, погружённая в свой идеальный мир, она очаровывала его своим соблазнительным телом и прелестным лицом, но страсти от неё он не мог добиться. И уже подумывал, что, пожалуй, пора прервать отношения, и вдруг сегодня девушка вспыхнула, как факел! Генрих был доволен и горд тем, что сумел разбудить в ней чувственность и теперь восхитительное тело девушки отзывалось на каждое прикосновение. Пожалуй, он поторопился списывать свою любовницу со счетов, зачислив в бывшие, Эльза ещё сможет подарить ему прекрасные мгновения. Он погрузился в мечты, любуясь прелестным телом девушки, казалось, ничто не могло омрачить эти сладостные мгновения полного блаженства. Вдруг Эльза подняла голову и, глядя пристально на любовника, произнесла:

– Я люблю тебе! Я всё-таки люблю тебя! Я безумно люблю тебя! А ты, ты меня любишь?

Она смотрела на него таким наивным бесхитростным взором, что он отвёл взгляд, не смея лгать, глядя в её глаза.

– Конечно! Какие могут быть сомнения, раз я всё-таки пришёл к тебе. Хотя ты и докучала мне своей любовью... – торопливо произнёс он.

– Значит, не любишь..., а я тебя всё-таки люблю... значит, так и должно быть... значит, всё предрешено... – вымолвила она и кривая усмешка пробежала по её лицу.

– Ты удивила меня сегодня, была удивительно страстная, просто ненасытная! Такая ты мне больше нравишься... Почему ты скрывала свою натуру? Получать удовольствие от того, что занимаешься любовью – что в этом постыдного? Зачем это скрывать, зачем стыдиться? – продолжал Генрих, подивившись усмешке, искажившей на миг лицо девушки.

Эльза протянула к нему руку, прикоснулась к щеке любовника, провела пальцем по его шее:

– Самое сладкое на земле – Адамово яблоко...

Генрих встрепенулся:

– Ты такая странная сегодня, так говоришь удивительно...

– Я к свадьбе готовлюсь.

– К свадьбе? – от неожиданности Генрих поднял голову, сел на постель, принялся торопливо одеваться, – Я не готов к свадьбе, извини! Я думал, ты выбросила из головы эту глупость. Когда ты прислала письмо, я не думал, что речь пойдёт о свадьбе, ты же обещала, что не станешь настаивать!

Она засмеялась, откинув голову, смеялась долго и взахлёб. Генриху этот смех показался зловещим. А она прошла к столу, налила вина в бокалы и один подала мужчине.

– Обещаю, больше я не стану об этом говорить, свадьба будет, но это моё дело, к тебе это никак не относится. Я пригласила тебя, чтобы проститься, это наше последнее свидание, отныне я тебя не побеспокою, может быть, ты и захочешь меня увидеть, но я не пожелаю. Сегодня мы расстаёмся, и я хочу оставить что-то на память о тебе. Сделай мне

подарок.

– Значит, сегодня у нас прощальное свидание... Ну, что же, раз ты так решила... И ты хочешь получить что-то на память? А что тебе подарить? Может, колечко? Браслет? Или платье? Выбирай, милая! – обрадованный таким поворотом, Генрих принял из рук девушки бокал.

– Рассчитываешь откупиться колечком? Нет, мне нужно нечто другое, то, что принадлежит только тебе, что хранит память о твоём теле, твоих руках, твоих губах, твоих объятиях, твоих поцелуях, о наших нежных свиданиях, нашей близости, то, что сберегает твой запах, понимаешь?

– Я не понимаю, но согласен на всё, – отвечал Генрих, отпивая вино.

– Подари мне свою рубашку, – предложила Эльза.

– Рубашку? Странная причуда! Ну хорошо, мне как раз прислали новые сорочки голландского полотна, почти такие, как эта, – он махнул рукой в сторону кресла, где лежала его одежда, – Я отправлю тебе завтра.

– Нет, мне не нужна новая, отдай мне вот эту, которая была на тебе сегодня...

– Зачем она тебе? Сорочка уже не новая, испачкалась и пропиталась потом, её в стирку надо, а не в подарок!

– Как раз то, что нужно... – возразила Эльза.

– Ну, хорошо, как хочешь, бери, раз надо, – согласился Генрих.

Эльза обняла Генриха, отстранившись от его губ, выпила

вино из своего бокала, потом взяла со стола нож, провела лезвием по голой груди любовника, остановила острие против сердца, задержалась так ненадолго, он с изумлением следил за её движениями, ожидая, что будет дальше. А она, сохраняя не лице милую улыбку, скользнула лезвием по руке мужчины и сделала быстрый надрез на его предплечье. Генрих застыл от неожиданности, не имея сил пошевелиться, он растерянно смотрел на тонкий ручеёк крови, стекающей по руке, а Эльза быстро подставила свой бокал, и алая струйка быстро смешалась с остатками вина. Тут же девушка схватила рубашку Генриха и принялась промокать ею кровь, потом зарылась лицом в ткань и стала жадно вдыхать её запах.

– Вот твой подарок! Это запах твоего тела, твоей крови, он останется со мной навсегда, он мой, ты – навсегда мой...

– Ты сумасшедшая! – воскликнул Генрих, прижимая руку к груди, пытаясь остановить кровотечение, которое, впрочем, оказалось не слишком обильным и быстро прекратилось. Он стал спешно натягивать одежду, камзол надел на голое тело – его сорочка осталась в руках девушки, выхватить её у Эльзы, сжимающей в руках окровавленную ткань и бормочущей что-то невнятное, он остерёгся.

– Может быть, я и сумасшедшая, а только лучше меня у тебя никого нет, не было и никогда не будет! Только я люблю тебя, я люблю тебя больше всего на свете, ты нужен только мне, только я нужна тебе... – приговаривала она, зарывшись лицом в рубашку, и не обращая больше внимания

на стоящего перед ней мужчину.

Он в панике выскочил из комнаты и, спотыкаясь в темноте, помчался по лестнице прочь из дома.

Свозь плотную стену дождевых струй мчалась карета, она двигалась из Гердауена в сторону Кёнигсберга, девушка, сидящая в карете, не смотрела в окно, её не интересовали красоты природы, тем более, в ночной тьме сквозь пелену дождя ничего не просматривалось. Эльза только плотнее укутывалась в плащ, прижимая к груди небольшой сундучок, который она не доверила служанке и всю дорогу держала у себя на коленях.

Карета въехала в Альтштадт, и служанка, высунувшись в окно, указала кучеру, куда следовать дальше. Они двигались вдоль Кошачьего ручья, мимо замка Кёнигсберг и Нижнего пруда. Эльза знала, что по этому ручью и по пруду в маленьких лодочках по ночам катались Кёнигсбергские ведьмы, обратившись в кошек, поэтому ночью в этом месте добропорядочные горожане старались не появляться, чтобы ненароком не столкнуться с нечистой. Но девушка в карете, прибывшая из Гердауена, не боялась колдуний, напротив, она мчалась на встречу именно к ведьме. Подъехав к нужному дому на улице Рольберг, она велела служанке ждать, а сама вошла в знакомую дверь. Её там уже ждали.

После странного свидания с Эльзой Генрих, опасаясь её

преследования, покинул город, отбив на воды в Кранц. Там он провёл два весёлых беззаботных месяца и легко завёл интрижку с хорошенькой дочкой хозяина булочной, куда он по утрам отправлялся за свежей выпечкой к кофе. Он постарался забыть странное поведение Эльзы, и у него это хорошо получилось. Но известия из Гердауена доходили и до Кранца, из случайного разговора он узнал, что Эльза выходит замуж за владельца конного завода из Инстербурга, тот был очень богат и очень стар. Генрих обрадовался этому известию, решив, что когда Эльза говорила с ним о свадьбе, то имела в виду женитьбу с коннозаводчиком и вздохнул с облегчением. Однако почему-то почувствовал в душе странное беспокойство, он как будто обиделся на подругу, так быстро забывшую мужчину, которого она обещала любить вечно! Он не мог разгадать смятение своей души, не желая признавать, что возможно, это ревность, и ещё больше подивился этому. Ведь он считал, что его чувства к Эльзе остыли, а тут вдруг оказалось, что известие о замужестве его почему-то взволновало и даже огорчило.

Он возвратился в Гердауен, решив, что теперь ему нечего беспокоиться домогательства бывшей любовницы, и вернулся к беспечной жизни и прежним привычкам. Эльзу он не встречал, та жила в доме мужа в Инстербурге и редко появлялась в Гердауене. Недостатка в друзьях и весёлых подругах у Генриха не было, и он с азартом погрузился в пучину развлечений. Особенно много времени он посвящал охо-

те, кроме того пристрастился к игре, устраивая в своём доме карточные баталии. Генрих неожиданно стал очень удачливым и в охоте, и в игре – дичь всегда попадала под его меткий выстрел, а карты приносили неизменный выигрыш. Вначале он очень радовался своим успехам, но вскоре ему наскучили и пирушки, и охота, и карты.

У него завёлся необычный друг. Однажды, прогуливаясь по саду, Генрих увидел, как из гнезда на старой липе выпал воронёнок, он удивился, что за ним не прилетели взрослые вороны, птенец остался сидеть на траве в полном одиночестве. Вероятно, его родители погибли, иначе они бы не оставили птенца без защиты. Он казался очень слабым, летать ещё не научился и стал бы лёгкой добычей собак, накинувшихся на него, если бы Генрих не отогнал их от воронёнка. Он принёс птенца в дом и принялся его выхаживать, тот был голоден и слаб, но постепенно стал выправляться. Птенец обзавёлся перьями взамен детскому пушку, научился летать, но Генриха не покинул, продолжая жить у него на правах друга. Он по-хозяйски расхаживал по дому, иногда появлялся на улице, облетал сад и двор, а к вечеру непременно возвращался к своему хозяину. Воронёнок стал Генриху лучшим другом, ему доставляло странное удовольствие общаться с подросшим птенцом, он разговаривал с ним, рассказывая о своих заботах, и однажды ворон на его сетования каркнул человеческим голосом: «Генрих!»

– Ты подумай, говорить умеет! – восхищались друзья,

услышав впервые голос ворона. – А как ты его назвал?

– Будет Георгом, – отвечал хозяин.

– Зря ты его приручил, вороны же двести лет живут и даже больше! Куда ему деваться потом, или ты его по наследству передашь? Тогда тебе жениться нужно, чтобы наследников завести.

– Жениться пока не готов, а жить тогда тоже придётся двести лет, чтобы друга не бросать. – шутя ответил Генрих.

Друзья посмеялись, а у Генриха появился не только верный безмолвный друг и слушатель, но и собеседник, а ему теперь всё чаще хотелось с кем-нибудь поговорить по душам. Прежние друзья не могли понять беспокойства, одолевшего его. А Георг, выслушав Генриха, иногда подавал короткую, но значимую реплику по существу, таким образом у них складывался полноценный диалог: хозяин сетовал, а ворон давал советы. Сам не понимая почему, Генрих всё чаще вспоминал Эльзу, ему хотелось увидеть её. Он стал часто, как бы случайно, заезжать в окрестности Инстербурга, посещал конезавод, осматривая молодняк под предлогом выбора скакунов. На самом деле он отправлялся туда, надеясь увидеть бывшую возлюбленную. Иногда его ожидания оправдывались, и он видел Эльзу, но только издали и мельком, и всегда в сопровождение мужа, они обменивались вежливыми поклонами и иногда несколькими ничего не значащими словами.

После этих мимолётных встреч Генрих долго не мог успо-

коиться, бессонница стала одолевать его, а когда он закрывал глаза, перед взором вставала Эльза, ему чудились прикосновения её рук, его пальцы ощущали шёлк её волос, всюду ему слышался её голос, он чувствовал запах её тела, такой нежный и едва уловимый, как аромат водяной лилии. Это наваждение бесило его, он начал жалеть, что так безрассудно прервал отношения с девушкой, теперь она казалась ему соблазнительной и желанной. А учитывая то, что Эльза теперь замужняя дама, а муж её стар и немощен, то можно было рассчитывать на возобновление тайных любовных встреч. Наверняка она уже стосковалась по сильному мужскому телу, и будет не прочь разнообразить свои скучные будни пылкими ночными забавами с молодым любовником. Припомнив их последнее свидание, её безумное страстное поведение, Генрих решил, что Эльза с радостью встретится с ним, может быть, она и вправду его любит, может быть, он тоже любит её.

Генрих улучил момент, и в одно из посещений конезавода смог передать ей записку, назначив свидание в своём доме. Записку она взяла, но на свидание не явилась, он прождал её всю ночь, но так и не дождался. Его это удивило – ведь раньше девушка мчалась к нему по первому зову. Генрих почувствовал себя оскорблённым до глубины души. Сначала он подумал, что пора окончательно забыть о ней, но обида душила его, он решил поквитаться с Эльзой. Генрих разработал план, чтобы посчитаться с бывшей возлюбленной – ему

нужно было во что бы то ни стало добиться свидания, обольстить её, уверив в вернувшейся любви, а потом бросить. Это стало его навязчивой идеей, он начал преследовать Эльзу, даже платил её служанке, чтобы добыть сведения о бывшей возлюбленной. Он знал о ней больше, чем её муж: что она делает каждый день, куда ходит молиться, к кому в гости собирается, что ей готовит кухарка на обед, он знал о её планах на неделю, месяц, год! Но, несмотря на все усилия, никаких подвижек в его игре не происходило, хотя ему удавалось появляться в тех же местах, где бывала Эльза, он ни разу не смог остаться с ней наедине, чтобы поговорить и назначить свидание.

Он только перебрасывался с девушкой незначительными словами, соблюдая правила приличия. Генрих злился и доходил до белого каления, страсть в его сердце вспыхнула с новой неожиданной силой. Он не знал, что делать, и готов был даже вступить с Эльзой в брак, и ненавидел себя за то, что позволил ей выйти замуж за другого.

И вдруг произошло событие, которое должно было всё изменить – он узнал, что скончался муж Эльзы. Генрих ликовал, теперь никто не мог помешать осуществиться его мечте! Наблюдая на похоронах за поведением вдовы в траурном одеянии, ещё больше подчёркивающим красоту девушки, он удивился её непритворной скорби. Он ждал, надеясь, что она первая выкажет ему знаки внимания. Но Эльза не торопилась, продолжая хранить верность покойному супругу, со-

блюдая траур и ничем не выдавая свой интерес к бывшему возлюбленному.

Тогда Генрих решил сам сделать первый шаг навстречу, он отправился к ней в дом под благовидным предлогом – выразить своё соболезнование. Когда он мчался к ней, подгоняя своего скакуна, то мысленно, во всех подробностях представлял себе их встречу. Она, возможно, сделает вид, что печалится, может быть, она и вправду грустит, ведь смерть, хотя и старого и нелюбимого человека всё равно безрадостна сама по себе. Впечатлительная девушка могла пребывать в растерянности и смятении, и он, как нельзя кстати явится перед ней, как её воплощённая мечта, как утешение и награда. Стоит ему протянуть руку и обнять девушку и её траурное настроение исчезнет. Она никогда не могла противостоять ему, и конечно, давно ждёт своего возлюбленного. Генрих подумал, что он мог бы немного помучить Эльзу и предъявить ей претензии по поводу её брака, упрекнув в измене. Хотя, пожалуй, сегодня это было бы слишком жестоко, на этот раз он не станет её терзать, он сам по ней так стосковался, что просто изнемогал в ожидании предстоящего свидания. Генрих никак не мог забыть их последнюю встречу. В радостном возбуждении он вбежал по лестнице, бросив поводья своего коня на руки слуги.

Увидев вышедшую навстречу Эльзу, он едва не кинулся к ней с объятиями, но тут же вынужден был остановиться – вдова встретила его не одна, её сопровождала компаньон-

ка, пожилая дальняя родственница покойного мужа, которую ему тут же представили. Генрих неприязненно, почти с ненавистью взглянул на эту неожиданную спутницу, как на непредвиденное препятствие. Он высказал дежурные слова утешения, Эльза немногословно поблагодарила. Генрих смотрел на неё, находя в девушке новые черты – она выглядела спокойной и невозмутимой, её холодность изумила его, но придала молодой вдове ещё больше привлекательности. Генрих пребывал в недоумении, он не знал, что делать дальше – приличие требовало после высказывания учтивых соболезнований покинуть дом, остаться он мог только по предложению вдовы. Но та упорно молчала. Он уже собирался с досады откланяться, как вдруг ему на помощь неожиданно пришла компаньонка. Увидев, что молчание затянулось, становясь неприлично долгим, она поспешила оказать услугу хозяйке, решив, что та в своём горе не может найти слов. И сама предложила гостю пройти в гостиную, чтобы помянуть покойного.

За столом вдова продолжала хранить молчание, Генрих смотрел на её изящно склонённую голову, фарфорово-белую кожу лица, не оттенённую и лёгким румянцем, и даже его мимолётное прикосновение к пальцам Эльзы не придало краски её бледным щекам. Это наблюдение обескуражило Генриха, ведь прежде девушка вспыхивала румянцем, едва он дотрагивался до её руки. Мужчина пожирал Эльзу глазами, готовый впиться в бледные губы, окрасив их в кровавый

цвет, сорвать с неё траурное платье и овладеть ею прямо тут, в гостиной! Он сам подивился своей пылкости и безудержным фантазиям, пришедшим в голову. Генриху пришлось сдерживать свои безрассудные порывы и вести диалог с компаньонкой, которая сообщила, что Эльза вступила в права наследования и, за неимением других прямых наследников, теперь является единственной собственницей всего имущества покойного мужа. При этих словах вдова уронила слезу, промокнув глаза платком. Генрих пропустил это сообщение мимо ушей, но попросил компаньонку показать ему драгоценный раритет, о котором та упомянула, а именно – священную реликвию, привезённую покойным хозяином из Палестины. И когда та, наконец, покинула гостиную, он бросился к Эльзе, умоляя её о встрече. Та удивлённо подняла брови и манерно проговорила:

– Не вижу в этом никакого смысла, я в трауре, развлечения меня не интересуют.

– Не надо ханжить, Эльза, – довольно резко заявил Генрих, – Неужели ты забыла меня?

– Как же, помню, вы – наш сосед по Гердауену.

– И только? А то, что ты любишь меня? Что мы встречались?

– Да, на улице и в кирхе иногда встречались, и я люблю вас как брата, ведь мы – одной веры.

– Вот как? – вспыхнул Генрих. – Не верю, что ты не любишь меня! Ты не могла забыть наши страстные встречи! И теперь,

когда твой старый муж умер, мы можем свободно встречаться, не беспокоясь, что нам помешают! Не надо больше притворяться и прятаться от твоих родителей и мужа!

– И это всё, что ты хочешь мне сказать? Всё, что можешь предложить? Тайные встречи, как прежде? – Эльза взглянула прямо в глаза Генриху, – Я вообще-то ждала от тебя других слов!

– Каких слов? Я вроде, всё говорю, как положено, как принято в таких случаях! Разве что-то иное имеет смысл в подобной ситуации?

– Вообще-то я ждала слов любви. Это единственное, что имеет смысл.

– Да я готов даже жениться на тебе в крайнем случае!

– Зачем же такие жертвы? Живи свободным человеком. Я не хочу с тобой встречаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.